

ДИКТУЕТ ВРЕМЯ...

жорных интонаций. И не «поколение», а возможности, данные временем, открыли для художников новые приемы, новые слова.

ТЕПЕРЬ часто всюду слышишь «поколение», «поколение». В это слово вкладывают самые различные понятия.

Это слово фигурирует в самых страстных восклицаниях, в самых жестоких спорах. Даже явления искусства стали делить на поколения.

При всей очевидной условности подобного деления, в нем, думается, есть определенный смысл.

Мне, киноактеру, хотелось бы тоже принять участие в разговоре о нашей творческой молодежи. Разумеется, примеры и имена, которые читатель найдет в этих заметках, связаны с моими личными творческими вкусами и интересами.

Конечно, дело не в том, что молодым просто хочется быть страшно оригинальными, и не в том даже, что молодые изобрели какие-то уж очень новые, не виданные доселе формы или высказали никем не сказанные мысли. Ведь всегда было так, что вновь вступающие на поприще творчества люди не хотели слепо подписаться под всем тем, что делалось и преподавалось их ближайшими предшественниками. И это понятно.

Время, одно только время, с его особыми приметами, может отделить так называемое новое поколение от так называемого старого поколения.

Изменение времени, возникновение новых сложнейших проблем, сам взгляд на человека, на его место в жизни — это прежде всего и есть то, что стремится выразить всякий чуткий художник, всякий честный человек.

И чем точнее, полнее в творчестве художника отразится время, тем понятнее, тем моложе окажется он для своих современников, тем интереснее для потомков.

Здесь уж возраст совсем ни при чем. (Может быть, молодым чуточку легче идти, у них нет за плечами груза опыта. Но как нужен порою художнику этот груз, как не хватает его нам!).

Совсем недавно вышла книга стихов Арсения Тарковского «Перед снегом». И словно нарочно, почти в то же время, блестящим успехом начал свой творческий путь, пожалуй, самый молодой советский кинорежиссер Андрей Тарковский. Отец и сын... Два поколения. Как сравнивать стихи и киноленту?

Но, помните, в пекле войны, на земле, пропитанной кровью и горем, режиссер Тарковский приметил и открыл нам чистейшую, белоснежную, как подвенечный наряд, березовую рощу... Где герои фильма — герои войны, на мгновение отгороженные стеной берез от огня и смерти, вдруг раскрываются со всею лирической глубиной. Словно первозданная красота леса, как эхо, отражается в их сердцах...

А нынче в весеннем талом снегу Подмосковья поэт Тарковский читает следы войны: ...Сойдешь с дороги — вязнут ноги, Передохни, когда не в спех, Постой немного при дороге: Весной бензином пахнет снег, Бензином пахнет снег у всех, В любом краю, но в Подмосковье Особенно, и пахнет кровью. Остался этот запах с тех времен, когда сороковые По снегу, в гору — своей доспех Тащили годы чуть живые...

Разве неверно будет сказать, что это — две стороны единого мира, две стороны присутствующего только сегодняшнему времени ощущения связей человека с тем, что его окружает.

И сколь бы ни были несравнимы средства выражения кино и поэзии, и там, и тут живет эпоха — вторая половина XX века...

Художник всегда у времени в плену... Да, он может видеть дальше, может утверждать или отрицать нечто то или иные явления своего времени... А всякая попытка откеститься от времени есть предательство своего долга, предательство высокого назначения художника.

Мне кажется, что это положение довольно общее и распространяется решительно на все явления искусства — без разделения на пластическое, музыкальное, драматическое и пр.

Нарочно возьмем для примера самое «невечное», самое повседневное — просто песенку, не ораторию, не хорал, не кантату, просто песенку...

Появился Булат Окуджава, поэт, о творчестве которого сразу стали спорить. Можно отрицать все: качество его музыки, выбор инструмента, на котором он себе аккомпанирует, наличие у него вокальных способностей, наконец, сами стихи, которые он поет...

Но невозможно отрицать того очевидного интереса, который вызвало его искусство, тех споров, которые породили его песни...

В лучших песнях Окуджавы, я думаю, люди услышали голоса своего времени. Они звучат и в теме, и в выборе самих слов, и в характере рефренов, и в построении фразы, и в звучании рифмы...

Мне скажут: да, но поэт не выражает всех сторон нашей жизни, это только какая-то одна сторона. Я соглашусь, но скажу, что если эта одна сторона есть в нашем времени, то только в этом, главным образом в этом, следует видеть причину всех разговоров, связанных с его именем.

Если обратиться к совсем иной области, к творчеству драматического актера, то и там мы увидим, что связь художника с сегодняшним днем во многом определяет силу и выразительность его созданий.

Не только театральные, но и самые широкие круги зрителей давно выделили из общего круга молодых актеров Олега Ефремова... (Теперь он главный режиссер театра «Современник», но мы будем говорить только о его актерских созданиях.) Сегодня он является перед зрителями в образе старого, опытного врача в пьесе Розова «Вечно живые», завтра он Филипп из «Пятой колонны» Хемингуэя. Он же парень со стройки из пьесы Кузнецова «Продолжение легенды» и умудренный жизненным опытом дядя в володинской «Старшей сестре».

Ни в одной роли Ефремов не прячет за сложным (до неузнаваемости) гримом своего лица, своих, только ему присущих жестов и манер... Не меняет голоса, даже не выбирает каких-то особых, присущих данной роли ритмов...

Его пробовали за это осуждать старые актеры, дескать, он небрежно относится к поискам внешних сторон образа, так сказать, игнорирует возможности сцены... Небрежничает.

Но очень скоро даже эти немногие замолчали... Словно перестали замечать, точно увидели что-то другое, более важное...

А оно на самом деле было и есть, это другое, более важное. Это страстное отношение актера к тому, что он говорит и делает на сцене... И не просто страстное, но всегда гражданское, остро направленное, обусловленное идеями сегодняшнего дня.

И это качество актера и человека Ефремова оказалось решающим. Именно оно сразу поставило его в ряд художников, выражающих наше время.

Право, это же не свойство возраста и не только дата рождения... Позади Ефремова остались и многие старшие, и многие младшие.

Вот почему «поколение» — это просто очень неточное понятие, скрывающее в себе стремление художника любого возраста говорить о своем времени, об окружающей его жизни современным языком.

Почему же именно теперь, в последнее время, так много говорят и думают

Алексей БАТАЛОВ

на эту тему, словно до этого «поколения» не было других и других «поколений»?

И опять необходимо вернуться к времени, к истории нашей жизни, к событиям и сдвигам, происходившим далеко не в классах консерватории и репетиционных залах, не в мастерских живописцев.

Всего десяток лет назад по причинам, теперь уже всем ясным, нередко появлялись произведения, которые были далеки от правды жизни и потому не выражали ни личности художника, ни признаков времени, кои он мог бы в меру своего таланта воплотить. И не мудрено, что тогда, согласно общему закону развития искусства, чем дальше то или иное произведение отходило от жизни, тем мертвее делался его язык, тем более костенели его формы.

В послевоенные времена в стране, так сильно пострадавшей от войны, лишенные крова люди задирали головы и любовались невиданными небоскребами, колоннами и портиками, мраморами и скульптурами, которые были призваны являть благополучие этих же людей. Было много случаев, когда поощрялись, скажем, не те актеры, которые играли живых людей, а те, которым посчастливилось попасть на нужную роль, часто ничего общего не имевшую с истинным героем времени или с историческим лицом, выведенным в пьесе.

Теперь то время ушло в прошлое. Сама возможность открыто и серьезно говорить о реальной жизни немедленно опрокинула фальшивое здание пустых похвал, отделив подлинный гражданский оптимизм от псевдома-

После химических красок «Падения Берлина» война дохнула с экрана «Судьбой человека», «Балладой о солдате», «Миром входящему». И совсем уж немолодой режиссер Райзман в картине «А если это любовь?» сумел открыть невиданные стороны самых знакомых вещей.

А зрители увидели пьесы Шварца, узнали Брехта. И тысячи людей вновь прочитали Платонова, Бориса Корнилова, Бабеля...

И нет ничего удивительного в том, что молодые творцы нарочито полемичны. Правда, сегодня, когда первая волна протеста против лакировки действительности, освежив произведения искусства, уже прошла, наметились штампованные приемы «анти-лакировки», которые неизбежно станут шаблонными, если будут употребляться вне смысла, помимо изображаемого предмета.

Я сознательно уклонился от перечисления формальных признаков, приемов и черт нового «поколения». Ни один из «приемов» не обязателен и не вечен, ни один из них я бы не решился внести в храм академии. Главное — в другом. Не в приемах, а в общественном долге, в совести художника.

И снова невольно вспоминаешь строки из книжки поэта Тарковского:

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не смог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа мезяла оболочку.

Мне кажется, что сейчас, как никогда, искусство стремится к гражданственности, к патриотизму в высоком смысле этого слова, с одной стороны, и к углублению в человека, в жизнь его духа, с другой.